

В. А. Лобастова

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КОГНИТИВНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ В «ЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ» Э. ГУССЕРЛЯ

Аннотация: В статье представлен феноменологический анализ природы сознания. В имманентном опыте сознания выделяются познавательный процесс, его условия и возможности. Цель статьи — прояснить гносеологическую позицию Э. Гуссерля, которая сложилась в период написания трактата «Логические исследования». Познание, понимаемое как соотносительность мышления и сознания, определяется как идентифицирующий синтез наполнения.

Ключевые слова: феноменология, Э. Гуссерль, сознание, гносеология, когнитивное переживание.

Abstract: The phenomenological analysis of nature of consciousness is presented in the article. A cognitive process, his terms and possibilities, is selected in immanent experience of consciousness. Purpose of the article — to make clear gnosiological position of E. Husserl, which was folded in the period of writing of treatise «Logical researches». Cognition, understood as correlated of thought and consciousness, is determined as an identifying synthesis of filling.

Keywords: phenomenology, E. Husserl, consciousness, cognitive process, gnoseology.

В качестве одной из основных задач феноменологического исследования природы сознания выступает выявление условий возможности познавательного процесса как такового. В «Логических исследованиях» Гуссерль определяет познавательную функцию сознания как идентифицирующий синтез наполнения. Прояснению гносеологической позиции Гуссерля, сложившейся на раннем этапе развития феноменологии, и посвящена данная статья.

Соотносительность мышления и сознания, т. е. сигнитивного акта и интуитивного акта, выражается, как пишет Гуссерль, в «единстве наполнения», в адекватности. Такое наполняющее единство осуществляется благодаря совпадению интенций этих двух актов, в результате которого интендируемый ими предмет оказывается одним и тем же; причем в таком отношении совпадения наполняется интенция сигнитивного акта, т. е. значение обретает чувственное содержание, представляющее собой комплекс ощущений или фантазмов, на основании которого значение может относиться к предмету интуитивного акта. Таким образом, слово и предмет вступают в отношение: слово называет являющийся предмет, который полагается этим именем.

Сигнитивный акт выступает носителем общего значения, интенция которого может наполняться в бесконечном многообразии возможных «соответству-

© В. А. Лобастова, 2010

ющих» актов сознания. Общему, неопределенному в своей абстрактности значению интуитивный акт придает, по мысли Гуссерля, «определенность предметной направленности». «Благодаря тому, что имя “красное” называет являющийся объект красным, оно относится к этому объекту в силу являющегося у этого объекта красного момента. И всякий объект, несущий в себе точно такой же момент, дает основание для такого же называния, к любому объекту *относится* то же самое имя в силу идентичного смысла»¹.

Кроме того, по мнению Гуссерля, когда воспринятый предмет называется, он одновременно и познается. Речь идет о единстве наполнения, которое имплицитно содержит в себе слово, его значение, познание и созерцание предмета, названного этим словом. Здесь познание относится к полагаемому предмету, а наполнение интенции значения указывает на соотношение актов.

У наполняющего единства сигнификации и интуиции Гуссерль выделяет два возможных способа осуществления этого отношения, а именно динамичный и статичный: динамика больше характеризует отношение между самими актами, тогда как статика скорее подчеркивает идентичность предметов, интендируемых этими актами. Динамичное отношение наполнения разворачивается в последовательности актов, которые могут значительно отстоять друг от друга по времени, и тем самым интерпретирует статичный акт познания, который, будучи «единством совпадения», подчеркивает одновременность в осуществлении актов; причем в таком единстве совпадения символический характер значения модифицируется в познавательный. Благодаря сравнивающей рефлексии в единстве совпадения конституируется идентичность созерцаемого и помысленного предметов. Таким образом, акту наполнения соответствует предметная идентичность как его интенциональный коррелят, причем этот идентифицирующий акт *a priori* допускает форму единства актов сигнификации и интуиции.

Наполняются не только интенции сигнификативного акта, интенции актов созерцания также могут нуждаться в наполнении, а точнее, в дополнении. В случае ряда актов, относящегося к одному и тому же предмету, часть созерцаемого предмета, попадающая в один из актов, может указывать на дополняющую ее часть того же самого предмета, вступающую в новом возможном акте определенным или неопределенным способом. «Сознание может переходить за пределы действительно пережитого, что-то полагать за его пределами, и это полагание может наполняться»². Например, пишет Гуссерль, начало известной мелодии вызывает *определенные* интенции, которые наполняются в последовательном оформлении мелодии, при слушании же неизвестной мелодии го-

¹ Husserl E. Logische Untersuchungen. Teil. 2. Halle, 1901. S. 498.

² Ibid. S. 511.

сподствующие в ней закономерности будут обуславливать интенции, которые *неопределенно* указывают на направление возможного наполнения. Или при созерцании неполного рисунка ковра, частично скрытого мебелью, линии и цветные оформления будут «продолжаться» в «смысле» увиденной части.

Определенные и неопределенные интенции допускают возможность несовпадения интенций у актов, вступающих в отношение наполнения. В качестве противоположности единству совпадения выступает «единство столкновения» (*Widerstreit*)), при котором интуитивный акт не подтверждает «полагание» сигнификтивного акта, а наоборот, его отрицает. Единство столкновения, как и единство совпадения, есть форма синтеза, а именно не идентификация, а отличие предмета, который является как «не тот же самый», как «другой», по сравнению с предметом интендирующего (сигнификтивного) акта. Сам по себе синтез столкновения предполагает синтез совпадения в «определенности предметной направленности». Так, например, «*A*», интендируемое как «*красное A*», в соответствующем акте созерцания оказывается «*зеленым*», следовательно, столкновение интенции красного с созерцанием зеленого возможно только на основе идентификации «*A*» в актах сигнификации и интуиции. Таким образом, выделенная способом столкновения интенция является частью более обширной интенции, дополнительная часть которой наполняется способом совпадения.

Отношение совпадения допускает коррелятивные возможности включения и исключения. При отношении включения интенция наполняется в акте, который включает больше, чем нужно для ее наполнения: например, интенция значения слова «*красное*» наполняется в представлении «*красной черепичной крыши*» способом частичного совпадения. При отношении исключения интенция значения слова «*зеленое*» вступает в отношение наполнения с представлением «*красной черепичной крыши*» и, не найдя подтверждения в соответствующем акте созерцания, отделяется способом частичного столкновения. Таким образом, в переплетении интенциональных переживаний сознания существуют различные возможности познания интенционального предмета, которое осуществляется как в единстве полной или частичной идентификации, так и в его полном или частичном отрицании.

Сама по себе чистая идентификация, конституирующая представленный предмет как один и тот же, ориентируется на интенциональную сущность актов, вступающих в отношение наполняющего единства, следовательно, указывает на равенство качества, а при его различии указывает на равенство материи. Материя объективирующего акта как таковая служит фундаментом идентификации, ведь именно материя придает акту направленность на определенный предмет. Однако интенциональная сущность не исчерпывает всего акта, следовательно, не является достаточной для понимания феноменологической сущности познания как такового.

Любая интенция, будь то сигнитивная или интуитивная, нуждается в чувственном основании, в качестве которого выступает имманентное содержание акта. Само имманентное содержание актом не является, следовательно, не может конституировать интенциональный предмет и поэтому является только его репрезентантом³. Интенция полагает свой предмет опосредованно, т. е. посредством и благодаря имманентному содержанию. Имманентное содержание наполняет интенцию, будучи тем чувственным материалом, который определенным способом осознается, т. е. в процессе переживания испытывает объективирующее понимание и только таким образом способствует конституированию предмета интенции. Поэтому, замечает Гуссерль, в наполнении переживается само данное, как оно есть, следовательно, наполнению присуща наглядность.

У самого наполнения проявляются различные особенности, возникающие на основе того, в каком виде актуально (интуитивно) дается этот чувственный материал: как «знак», как «образ» или как «самооттенение предмета». Благодаря особенностям наполнения интенция может быть наделена соответствующим характером, способом понимания своего имманентного содержания. Поэтому Гуссерль подчеркивает, что при одной и той же материи акта познание интенционального предмета может допускать «ступени полноты», которую следует понимать как полноту предмета, т. е. совокупность свойств и признаков, присущих познаваемому предмету, а также как полноту созерцания, а именно его интуитивное содержание, посредством которого конституируется интенциональный предмет. Следовательно, наполнение имеет характер постепенного возрастания, которое указывает на идеальный объем полноты, выражающей собой цель абсолютного познания, а именно адекватное восприятие объектов познания.

³ В понятии *репрезентант*, или *репрезентирующее содержание*, Гуссерль выделяет два смысла, позволяющие ему достаточно полно описать те функции, которые репрезентант выполняет в акте как его имманентное содержание, а именно: репрезентант является носителем объективирующего понимания (апперцепции) или служит, как пишет Гуссерль, «побуждением к представлению». Но, кроме того, репрезентант выступает еще в роли заместителя, т. е. указывает на конституируемый предмет, который по своей природе трансцендентен интенциональному переживанию. Функции репрезентанта можно сопоставить с функциями материи интенциональной сущности акта, которая, будучи одним из способов предметного отношения, фиксирует, что за предмет является и при этом как, в каком смысле он является сознанию. Такую функциональную соотношенность материи и репрезентанта Гуссерль оформляет в единство репрезентации. «Репрезентанты — переживаемые содержания, испытывающие в репрезентации объективирующее понимание и, не становясь предметными сами, способствуют тому, чтобы нам представился объект» (*Husserl E. Logische Untersuchungen. Teil. 2. S. 463*).

Рассмотрим подробнее возможные отличия при наполнении интенций. Чувственное основание сигнитивной интенции — это знак, который может обозначать как себе однородное, так и неоднородное. Поэтому к акту, в котором знак конституируется как наглядный объект, присоединяется сигнитивная интенция как символический способ понимания, благодаря которой вместо интуитивно являющегося знака полагается обозначенный объект, т. е. знак указывает за пределы себя, следовательно, опосредованно наполняет интенцию сигнитивного акта. Для своего окончательного наполнения сигнификация нуждается в непосредственном репрезентанте, в качестве которого выступает чувственное содержание соответствующего интуитивного (наполняющего) акта, представляющего предмет так, как он полагается в сигнитивном (интендируемом) акте.

В качестве чувственного содержания созерцания может выступать как образ, так и самооттенение предмета, конституируемого в интуитивном акте. Образ — подобие того предмета, который образ изображает. Однако не всякое подобие является образом. Так подобие двух предметов еще не превращает один предмет в образ другого предмета. В акте созерцания, например, мраморного бюста воспринимающая интенция полагает предмет, сделанный из мрамора. И только, как пишет Гуссерль, когда к воспринимающей интенции присоединяется воображающий способ понимания, является не только мраморный бюст, но одновременно и на основе этого явления образно полагается персона, бюст которой запечатлен в мраморе. Таким образом, мраморный бюст напоминает об оригинале и одновременно служит его образным репрезентантом, заместителем. Воображающая интенция позволяет выделить и противопоставить образный или образно представленный объект (бюст) и образный сюжет, т. е. объект, изображенный в образе (персону), осуществляя таким образом не только образное представление, но и образное представление определенного объекта. Итак, образный объект есть «образ для конституирующего образ сознания, который первичному и являющемуся в восприятии объекту придает “значение” образа через его воображающую апперцепцию, фундированную здесь в восприятии»⁴.

Что касается наполнения воспринимающей интенции, то в явлении предмет может быть непосредственно схвачен, т. е. актуально «дан» как «сам тут присутствующий», а именно как целиком и полностью в случае адекватного восприятия, так и в непрерывном ряду оттенков при неадекватном восприятии. «Всякое оттенение имеет репрезентативный характер, а именно оттенение репрезентирует через подобие, но *способ* этой репрезентации через

⁴ Ibid. S. 396.

подобие различен, сообразно тому, как репрезентация понимает оттеняющее содержание как образ или как самоизображение объекта»⁵.

Наполнение интуитивной интенции осуществляется благодаря различным способам переживания ощущений или фантазмов, «которые их предметно истолковывают, т. е. преобразуют в образы или самооттенения (*Selbstabstattung*), наделяют их как “интуитивное содержание” отношением к предметным определенностям, им *соответствующим и через них изображенным*»⁶. Содержания, уже пережитые в соответствующих интуитивных актах, Гуссерль называет *интуитивно репрезентирующими содержаниями*, или просто *интуитивными содержаниями*, среди которых выделяет «анализирующие» содержания воображений, или образных представлений, и «самоизображающие» содержания восприятий. Тем самым Гуссерль указывает на то, что в самой природе созерцания как интуитивного характера интенции коренится идеальная связь между восприятием и воображением, благодаря которой воспринятый предмет может стать предметом возможного образного представления, как это происходит в случае эстетического восприятия, воспоминания или ожидания. Однако не каждый воображаемый предмет может быть воспринятым, так как область воображающих интенций превосходит область интенций воспринимающих. Противоположными интуитивным содержаниям являются *сигнитивные содержания* как репрезентирующие содержания сигнитивных актов.

Адекватное восприятие выражает собой идеал адекватации, предполагающий такое самоявление предмета, которое осуществляется в чисто воспринимающей интенции и не нуждается в дополнении анализирующих и символизирующих интенций, причем в этом самоявлении предмета исчерпывающе представлена интуитивная полнота адекватного восприятия, согласно которой каждой части полагаемого предмета соответствуют определенные части акта. Неадекватное восприятие представляет собой непрерывный поток наполненных и ненаполненных интенций, в котором наряду с «являющимися» частями предмета соплагаются его еще не воспринятые части. Здесь каждая новая интенция представляет предмет односторонне, конституируя только какую-то одну из его частей, следовательно, в таком ряду последовательно возникающих интенций частичное наполнение и частичное отпадение протекают параллельно. «Общее понятие предметных определенностей составляет совокупность предметных моментов, представленных интуитивно или сигнитивно, которая неоднократно варьируется в интуитивно-сигнитивном плане:

⁵ Ibid. S. 588.

⁶ Ibid. S. 550.

интенционально тот же самый предмет может интуитивно стать с различными отчасти меньшими, отчасти большими определенностями, также меняется сигнитивное содержание, возникая или исчезая»⁷. Возрастание полноты созерцания достигается только благодаря синтезу наполнений многочисленных интенций, выстраивающих общий акт восприятия. Этот синтез наполнения основывается на идентификации, при которой представленный с различных сторон предмет остается одним и тем же.

В общую интенцию интуитивного акта может вплестаться в качестве ее компонента сигнитивная интенция, неадекватное выражение которой, не найдя для себя соответствующего наполнения, превосходит тогда предмет, данный в актуальном основании созерцания. Так, например, некая рукопись кажется познанной как рукопись, принадлежащая И.-В. Гете, причем ее принадлежность Гете еще не актуализирована в созерцании. «На основании частичного созерцания возможно познание, которое на основе полного актуального созерцания вообще и *a priori* было бы невозможно, потому что совмещает невозможное, как ложное и абсурдное познание, которое логически значимым познанием не является»⁸.

Наряду с непосредственными наполнениями интенций возможны также и опосредованные наполнения как сигнитивных, так и интуитивных интенций, причем любая последовательность опосредованных наполнений завершается в непосредственной интенции. «Уяснить себе мысль означает создать познаваемую полноту содержанию мысли, а это может выполнить и сигнитивное представление»⁹. В качестве примера опосредованного наполнения сигнитивной интенции может служить образование математических понятий, раскрывающееся в цепи определений, каждое из которых последовательно через подстановку все более и более обогащает содержание первоначальной интенции значения, приводя его к полной экспликации. Сигнитивную интенцию может наполнять созерцание, имеющее опосредованный характер наполнения. Так, например, в качестве опосредованного наполнения интенции значения географического имени может выступать образное представление карты земли. Здесь являющийся предмет наполняющего созерцания, будучи опосредованным репрезентантом, характеризуется как знак, следовательно, нуждается в присоединении новой интенции, которая указывает на то, выражением чего этот знак является. «Очертание Англии, как его изображает карта земли, полагает Англию способом чистого знака благодаря внешним отношениям ассоциации, которая все знания о земле и людях связала с образом карты.

⁷ Ibid. S. 551.

⁸ Ibid. S. 525.

⁹ Ibid. S. 539.

Номинальная интенция наполняется на основании этого представления фантазии, следовательно, объект, репрезентированный воображаемым объектом, принимается за *то же самое*, как полагаемое именем»¹⁰.

Опосредованное наполнение интуитивной интенции может осуществляться в опосредованных представлениях, конституирующих свой предмет как предмет другого представления, которое, становясь представленным представлением, также оказывается предметом опосредованного представления, теперь уже выступающего в роли представления представления. «Каждое опосредованное представление включает представления представления, ибо опосредованное представление полагает свой предмет как предмет определенных представленных в нем представлений. ...Предмет представленного представления предполагает в своем наполнении наполнение представления представления»¹¹.

В чистых созерцаниях, обладающих только интуитивным содержанием, «не только все, что изображено, полагается, но и все полагаемое изображено»¹². Адекватное восприятие может быть простым чистым созерцанием. Однако градации полноты указывают на то, что составные чистые созерцания могут быть как полными, так и недостаточно полными, у которых идентичный предмет является в беспрерывно меняющейся полноте интуитивного содержания. Поэтому созерцание может представлять свой предмет соразмерно и несоразмерно. А это означает, что комплексный сигнитивный акт может быть соразмерен соответствующему акту созерцания, но не предмету, а также может быть соразмерен самому предмету посредством полного созерцания, материя которого идентична со значением.

Как комплексное значение, так и содержание соответствующего интуитивного акта могут быть как возможными (совместимыми), так и невозможными (несовместимыми). Подобно общей идеальной природе возможного значения совместимость может характеризовать не только единичные содержания, объединенные в единстве целого, но и их идеальные виды. Коррелятом совместимости таких содержаний является «возможность» комплексных значений, а это одновременно указывает на то, что между значением и соответствующим ему созерцанием осуществляется согласовывающая связь. «Выполняя на основе созерцания значение выражения *“белая поверхность”*, мы переживаем реальность понятия, интуитивное явление действительно представляет что-то белое и поверхность, а именно как белую поверхность; наполняющее созерцание не только вообще представляет белую поверхность, а через свое

¹⁰ Ibid. S. 544.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. S. 551.

содержание приводит к интуитивной данности полно так, как требует интенция значения»¹³.

Как видим, полный объективирующий акт содержит качество, материю и репрезентирующее содержание, которое может действовать как чисто сигнитивное, как чисто интуитивное и как смешанное, т. е. одновременно сигнитивно-интуитивное, а именно относительно той же самой интенциональной сущности. Материя сообщает смысл, согласно которому понимается репрезентирующее содержание, а также на основании которого осуществляется возможность единства материи и репрезентирующего содержания, которое Гуссерль называет репрезентацией. В это единство не включено качество акта, так как репрезентация не претерпевает качественных изменений. Так, замечает Гуссерль, «явление фантазии, как воспроизведение действительного объекта или как чистое воображение, остается образным представлением»¹⁴.

Форма репрезентации или понимания (апперцепции) характеризует отношение между членами единства, а также определяет отличие объективирующего акта, интуитивного или сигнитивного. В сигнитивной репрезентации отношение между материей и репрезентирующим содержанием является случайным, внешним, так как сигнитивное содержание может безгранично варьироваться, не затрагивая сигнитивную интенцию, следовательно, не имея необходимой связи с ее предметом. Интуитивная репрезентация осуществляет внутреннее, существенное отношение между материей и репрезентантом, который подобен или равен предмету интуитивной интенции. В смешанной репрезентации совмещены черты как сигнитивной, так и интуитивной репрезентации.

В противоположность чисто обозначающей сущности объективирующего акта Гуссерль выделяет его познавательную сущность, которой присущи качество, материя, интуитивно репрезентирующее содержание или полнота. В идеально полном восприятии, общая интенция которого достигла своего окончательного наполнения, интендируемый предмет дан непосредственно, с очевидностью, следовательно, осуществляется *adaequatio rei et intellectus*, т. е. предмет, полагаемый интенцией значения, дан в созерцании точно так, как он мыслится и называется. Окончательное наполнение возможно на основе только чистого восприятия, которое, согласно качеству своей интенции, является актом, полагающим предмет как существующий. И если единство совпадения или актуальная идентификация также имеет полагающий характер, т. е. непосредственно схватывает предмет как сам тут присутствующий, то очевидность способна доставить идеал адекватности. Однако очевидности свойственны градации, так как предмет полагается в постепенно наполняемой интенции,

¹³ Ibid. S. 574.

¹⁴ Ibid. S. 562.

нацеленной на последовательное приближение к объективной полноте, следовательно, к идеалу адекватного восприятия как полного самоявления предмета. Поэтому Гуссерль выделяет очевидность в непринципиальном (слабом) смысле и очевидность в самом строгом смысле, определяя ее как «актуальное осуществление адекватной идентификации»¹⁵. Соответствующим коррелятом очевидности относительно предмета является «бытие в смысле истины», а относительно акта — истина как «идея абсолютной адекватности как таковой».

Феноменологическое исследование, по замыслу Гуссерля, должно находиться в основе критики познания, так как оно проясняет или приводит к очевидности идеальные понятия и положения посредством созерцания «самих вещей», которые с феноменологической точки зрения следует понимать как предметы интенционального сознания. Прояснение познания как такового осуществляется в отношении выражающей интенции значения и выраженного созерцания, а именно в отношении, которое представляет собой идентифицирующий синтез наполнения.

Познание как таковое протекает в двух сферах интенционального сознания, а именно в сфере чувственности и рассудка. И если в чувственности постигается индивидуальная сторона интенциональных предметов, то в сфере рассудка усматривается их сущностная природа, а также те сущностные отношения, которые между ними возможны. Как чувственность, так и рассудок — это различные способы понимания одного и того же предмета или, рассуждая феноменологически, они есть различные виды интенционального отношения к предмету. Таким образом, в области созерцания Гуссерль выделяет чувственную и интеллектуальную интуицию, которые в сигнификации соответственно наполняют интенцию значения, полагающую либо индивидуальный предмет, либо сам вид, содержащийся в индивиде. Итак, чувственности и рассудку присущи основные черты, сущностно характеризующие созерцание как таковое, а именно непосредственное отношение к предмету и функция наполнения сигнитивной интенции.

Созерцание и интенциональный предмет — два коррелятивные момента интенционального отношения, в рамках которого реальный предмет является предметом возможного чувственного созерцания, а категориальное созерцание конституирует соответственно идеальный предмет, точнее, непосредственно схватывает идеальную природу того же самого предмета, представленного чувственным созерцанием. Таким образом, интенциональный предмет выступает в качестве основания, на котором осуществляется взаимосвязь чувственной и интеллектуальной интуиции, действующих одновременно.

¹⁵ Ibid. S. 594.

Отношение между чувственным и категориальным созерцанием Гуссерль называет отношением фундирования, в котором чувственное созерцание, являясь фундирующим актом, находится в основании категориального созерцания как фундированного акта. Следовательно, категориальному созерцанию всегда и с необходимостью предшествует чувственное созерцание, предоставляющее ему свой предмет, на идентичности которого только и может осуществляться фундирование как «отношение необходимого соединения».

Категориальное созерцание может либо включать фундирующую чувственность, либо только ее предполагать, что обуславливает различные виды категориальных актов. Так интенция синтетических актов, конституирующих сущностные отношения между интенциональными предметами, направлена также и на предметы фундирующих чувственных созерцаний, между тем усмотрение сущности, или идеирующая абстракция, исключает всякую чувственность. «Там, где общие мысли находят свое наполнение в созерцании, некоторые новые акты строятся на восприятиях, а именно акты, которые относятся к являющемуся предмету иным образом, чем созерцания, соответственно конституирующие являющийся предмет. Здесь наглядный предмет сам не находится как полагаемый, а действует только как поясняющий пример для непосредственного общего полагания. Выражающие акты следуют за этими различиями, и их сигнивативная интенция, вместо того чтобы идти на наглядно представляемое, скорее относится к общему, только подтверждаемому созерцанием. Когда новая интенция адекватно наполняется соответствующим созерцанием, она доказывает их объективную возможность, т. е. возможность или «реальность» общего»¹⁶.

В идеирующей абстракции осознается не наглядно единичное, представленное простым актом чувственного созерцания, а актуально дана его «идея». Также важно иметь в виду, что усмотрение сущности не может реализоваться на основе одного единичного случая, а требует целого ряда чувственных созерцаний, повторяющих конституирование одного и того же индивидуального. «В идеирующей абстракции вместо разнообразия единичных моментов одного и того же вида этот вид *сам* и притом как *один и тот же* может находиться *перед* нами. Ибо в неоднократном осуществлении такого акта на основе нескольких индивидуальных созерцаний мы осознаем идентичность общего, и это очевидно в расширяющемся акте идентификации, синтезирующем все отдельные абстрактные акты»¹⁷.

В основании идеирующей абстракции могут находиться различные по характеру интуитивные акты, воспринимающие и воображающие, полагающие

¹⁶ Ibid. S. 604.

¹⁷ Ibid. S. 633.

предмет как существующий или же нет. Однако разнообразные характеры фундирующих актов не вносят существенных изменений в конституирование общего. Следовательно, образно представленное общее может подтверждаться в соответствующем адекватном восприятии, а также может исключать возможность данности общего способом адекватной абстракции.

Отношение фундирования следует отличать от рефлексии, так как в случае восприятия восприятия, например, предметом становится сам акт восприятия, а не его предмет. Следовательно, рефлектирующее отношение представляет собой простое отношение, на основе которого может быть образована чувственная абстракция, дающая чувственное понятие, например, *цвет, дом, восприятие, суждение*. Между тем в отношении фундирования существует необходимая связь материй фундирующего и фундированного актов, конституирующих один и тот же предмет, только различным способом, причем материя фундированного акта лишь дополняет материю фундирующего акта, не искажая смысла предметного понимания и придавая тому же самому предмету категориальное оформление. Категориальная абстракция, дающая категориальные понятия, такие, например, как *единство, отношение, понятие, предмет*, может быть образована только на основе фундированного акта, причем у общего категориально оформленного предмета выделяются только категориальные черты. Само понятие можно понимать не только как общий предмет, но и как общее представление, будь то общее созерцание или соответствующее ему общее значение.

Для того чтобы окончательно прояснить отношение фундирования, следует подробнее рассмотреть более сложную, чем у идеирующей абстракции, структуру синтетических актов, которые конституируют категориальные объективные формы. Чувственно воспринятый предмет всесторонне представляется в непрерывном потоке восприятий, единство предметного отношения которых осуществляется благодаря соединению совпадающих частичных интенций последовательно присоединенных актов. Однако образованная таким способом единая интенция объективно полагает *тот же самый* предмет, полагаемый частичными восприятиями. В чувственном восприятии весь предмет дан эксплицитно, а конституирующие его моменты даны имплицитно. И только через новые способы понимания, а именно при выделении в артикулирующих актах и при соединении друг с другом в актах отношения, сам предмет и его конституенты приобретают соответственно характер *частей* или *целого*.

В образовании синтетического акта, конституирующего отношение между частью и целым, например, «*А имеет а*» и «*а есть в А*», участвуют два простых акта, один из которых полагает А как целое, имплицитно содержащее в себе а, а другой акт выделяет а, преобразуя тем самым в свой предмет. Фундированный акт отношения соединяет предметы фундирующих актов на

основании репрезентирующего содержания, относящегося к α , которое полностью совпадает как в том, так и в другом акте. Причем это совпадение, становясь непосредственным репрезентантом фундированного акта, способствует конституированию двух *a priori* возможных отношений: « A имеет в себе α » и « α существует в A ». Таким образом, идеальная возможность воспринимать целое и его часть в соответствующих фундированных актах осуществляется благодаря имплицитному пребыванию части в целом.

К синтетическим категориальным формам относится конъюнкция, которая конституируется в интуитивном акте, наполняющем интенцию значения соединительного союза «и». Конъюнктивный акт полагает, например, совместное пребывание предметов A и B . Здесь единому интенциональному отношению, которое фундировано в восприятиях A и B , соответствует единый качественно оформленный предмет, а именно совокупность предметов A и B . Причём сами фундирующие предметы A и B служат материалом, или субстратом, для соответствующего, здесь конъюнктивного, категориального оформления.

Сами категориальные формы не зависят от особенностей субстрата, в качестве которого могут выступать не только простые, но и уже фундированные акты, допуская тем самым возможность фундирования второй, третьей и т. д. ступени. В свою очередь, один и тот же субстрат также может служить основанием для различных видов категориальных форм. При этом отношение между субстратом и формой должно быть согласованным, т. е. регулируется априорными законами категориального созерцания, которое Гуссерль называет «непосредственным мышлением».

Прежде всего, категориальные формы конституируются только в фундированных актах, однако идеальная возможность актуального осуществления категориальных актов на основе простых созерцаний закономерно ограничена. Следовательно, невозможно при неизменном фундирующем субстрате созерцать часть как целое и целое как часть. Таким образом, идеальные законы регулируют возможность изменения категориальных форм при предполагаемой идентичности фундирующего субстрата, способного быть носителем соответственно допущенных форм.

Так как категориальные созерцания являются актами действительного или возможного наполнения значения, законы «непосредственного мышления» нормативно регулируют сигнитивное мышление. Благодаря неограниченному разнообразию комплексных значений сфера значений является более обширной, чем сфера возможных наполнений. Поэтому в области сигнификации действуют априорные законы опосредованного мышления, которые устанавливают категориально определенные возможности соединения значений и их преобразования. Так, например, если истинно, что «*есть какое-то α , которое есть β* », то также истинно, что «*некоторое α есть β* » или «*не все α суть*

не-β»¹⁸. Таким образом, на основе закономерной связи интенции значения и наполнения значения устанавливаются условия возможности согласованных сигнификаций, которые ссылаются на условия возможности категориального созерцания.

Гуссерль утверждает, что идеальные законы мышления «находятся в специфической природе соответствующих видов актов, в их интенциональной и познавательной сущности»¹⁹, подчеркивая тем самым априорную природу деятельности рассудка как «способности категориальных актов», следовательно, априорность интенциональности как таковой. «Чистое логическое *apriori* касается всего того, что относится к идеальной сущности рассудка вообще, к сущностям его видов и формам акта, следовательно, к тому, что не может отменяться, пока рассудок или его определяющие акты *таковы* так или иначе, идентично сохраняя свою понятийную сущность»²⁰.

Итак, идеальные логические понятия, положения и законы как интенциональные корреляты категориальных актов, будучи универсальными и очевидными, следовательно, абстрагированными от всякой чувственности, а значит, независимыми от всякой случайной фактичности, могут служить основанием для аподиктического знания. Следовательно, задачу, которую Гуссерль ставил перед феноменологией, а именно прояснение условий возможности познания как такового, можно считать выполненной.

¹⁸ Ibid. S. 663.

¹⁹ Ibid. S. 668.

²⁰ Ibid.